

МЕСТО И ПРОБЛЕМАТИКА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(По материалам славянских языков)

В качестве главного направления в современном развитии науки можно рассматривать стремление отдельных дисциплин к новому определению их сферы в рамках общей науки, а также более сильное подчеркивание общетеоретических и методологических вопросов в научной работе. Если мы, исходя из этих соображений, попытаемся подойти к поставленным вопросам, то мы сначала должны точно определить как место, которое занимает этимологическое исследование в рамках общей науки, так и отношение этимологии к теории языка вообще. Ведь не секрет, что значение этимологии за последние 50—70 лет постоянно уменьшалось и что она сегодня занимает в рамках различных отдельных разделов языкознания менее центральное положение.

Современное положение этимологии не может изменить и тот факт, что, например, в области славистики за последние годы отмечается появление большого числа этимологических словарей. Но только в немногочисленных случаях работа над этимологическими словарями сопровождалась общеметодологическими и теоретическими соображениями. Масштабом и в наши дни являются часто еще разработанные Э. Бернекером принципы. Чем же объяснить такого рода ситуацию в этимологической науке? В первую очередь такое состояние этимологической науки является логическим следствием развития языкознания в целом, которое, начиная со второй половины XIX в., все сильнее отходит от такой дисциплины, которая прежде всего являлась ретроспективно-исторической дисциплиной с чертами вспомогательной науки, и вступает на путь своей собственной задачи — описания и изучения языка как инструмента коммуникации человеческого общества.

Современное языкознание работает главным образом синхронными методами. Фонология, грамматика и лексикология анализирует функцию отдельных языковых элементов в рамках более крупных общих систем. Результаты этимологического исследования имеют более или менее свободное отношение к собственно коммуникативной функции языка. Вскрывая первоначальное значение или форму слова, мы ведь получаем дополнительную информацию,

однако она не обязательная для функции по своему существу немотивированного языкового знака¹.

Но значение науки можно определять также и по тому, как она относится к господствующей и характерной для данной эпохи общей научной теории и насколько она в состоянии использовать для себя результаты этой теории. Не может быть сомнения в том, что наиболее распространенную в настоящее время лингвистическую теорию представляет структурализм. Согласно структуралистической концепции общность явлений одной или другой области рассматривается как единая структура, как замкнутая в себе конструкция, в которой целое преобладает над интегрированными отдельными фактами.

Если мы попытаемся дать ответ на этот вопрос относительно этимологии, то следует подчеркнуть, что этимология, как говорит Ф. де Соссюр, «не является ни особой наукой, ни частью исторического языкознания, она является лишь особым применением принципов, имеющих силу для синхронических и диахронических фактов. Она изучает предысторию слов до тех пор, пока не наткнется на то, что может послужить их объяснению». Такое исследование предполагает, однако, ряд рабочих методов. Для того чтобы с достаточной надежностью показать исходное значение слова и его развитие в последующее время, необходимо знать самую историю вещей и располагать достаточным количеством надежных аналогов о существующих в языках связях и переходах значений, на которые можно было бы опираться; далее важно по возможности знать источники, непосредственно доказывающие семантические и формальные изменения, затем мы должны, кроме того, с помощью так называемых «фонетических законов» (т. е. с помощью господствующих в эпоху рассматриваемого языка закономерностей фонетики) проверить принятые для истории звукового развития слов переходы и изменения (это в итоге и есть реконструкция первоначальной формы слова), при этом практика до сих пор проводила семантические и формальные операции очень часто в отрыве друг от друга.

Однако неоспоримым фактом является и то, что реализация, по крайней мере, первых двух постулатов связана с несколькими принципиальными трудностями, которые необходимо сначала преодолеть. До сих пор не существует ни единой, ни общепринятой семасиологии. При этом элемент случайности и индивидуальности далеко не всегда исключен. Вдобавок исследователь совсем не может при определении отношения между предметом и вещью опираться на какие-либо действующие закономерности. На работу исследователя здесь поневоле и сильнее, чем в других областях науки, будет влиять субъективная оценка и интуиция. В то время

---

¹ Ср. также: В. Н. Т о п о р о в. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 44—59.

как для романских и, по существу, и для германских языков сегодня уже имеется достаточное количество исторических словарей и диалектологических атласов, славянская этимология именно в этом отношении сталкивается с большими трудностями. Обширные работы над историческими словарями и изучение диалектологической лексики для большинства славянских языков были начаты только после окончания второй мировой войны. Степень трудностей становится очевидной, если принять во внимание, что, например, для такого большого славянского языка, каким является русский язык, не существует ни общего исторического словаря, ни полного словаря диалектов. В таком случае исследователь вынужден часто либо самостоятельно собрать в многолетней кропотливой работе нужную историческую и диалектологическую лексику, или же он должен довольствоваться работой над более или менее достоверной этимологией под звездочками. И наконец, методически недостаточным нужно назвать также этимологический способ, который при формальной реконструкции слова опирается только на соответствие рассматриваемых в отрыве друг от друга законов фонетики.

Только в последнее время стали понимать, что реконструкция слова как морфологической единицы должна опираться прежде всего на морфологический анализ. Но как раз здесь — если исходить из индоевропейского — все еще мало изучены такие важные предпосылки, как структура индоевропейского корня или функция и значение так называемых детерминативов или первичных суффиксов.

Возьмем хотя бы славянское название для икры ноги. По польски это *tydka*, диал. также *gtydka*, *tyta* и *tyst(a)*, чеш. *lýtko*, подобные формы имеются также и в других славянских языках. Как нами уже доказано в специальной работе, это слово родственно русским словам *глюда*, *глыба*, *клыза*, болг. *глуза* 'узел, сучок в доске', словен. *gluta* 'шишка' и т. д.² Икры ноги имеют, как это доказывают многочисленные семантические параллели, в качестве мотивации признак опухшего, пузатости, округлости. Более точный морфологический анализ основы слова *глюд-*, *глют-*, *глуз-*, *глуст-* при современном уровне исследования нельзя дать. Мы только устанавливаем, что корень **glu-/gloŷ-* (ср. ирл. *glōsnáthe* 'вид намотанной проволоки') расширен несколькими различными детерминативами. Однако первоначальная функция этих морфологических элементов остается невыясненной.

О трудностях, с которыми сталкивается этимологическое исследование на современном этапе развития исторически-сравнительного метода, говорит и следующий пример. Латинскому названию для пятки *calcis*, *-cis* соответствует в балто-славянских языках в семантическом и фонологическом отношении ряд выра-

² Ср.: «Slavia», XXXII, 2, 1963, стр. 176—179.

жений, содержащих в себе в большинстве случаев обозначение сустава, ср. ст.-слав. *kъlka* 'бедро', первоначально 'тазобедренный сустав', с.-хорв. *kûk* то же $\leq$ *kъlkъ, в.-луж. *kûlka* 'щиколотка', польск. диал. *kûlka* 'тазобедренная кость, ляжка у животных', лит. *kuľnas* 'пятка', *kulksnìs* 'щиколотка'. Чередование гласных τ (й) : *u* (ой) : *a*, однако, не отвечает известным правилам фонетики. В то время как τ на основании работы Х. Вальде («Reduktionsvokale in Indogermanischen») и работ Р. Траутмана («Slavia» II) без всяких затруднений может быть понят как рефлекс и.-е. краткого гласного *o*, соответствующего и.-е. *o* или *a* в полной ступени (ср. также русск. *звать* < *zъvati : *zovui*; ст.-слав. *тъногъ : гот. *manags*; ст.-слав. *грѣбъ*, русск. *горб* : прусск. *garbis* 'горб, гора'), связь же между *u* (ой) и *a* в славянском в этом отношении неясна. При строгом соблюдении известных нам законов фонетики нужно было бы исключить из названной группы слов луж. *kulka* 'щиколотка' и польск. *kulka* 'тазобедренный сустав у животных', что опять-таки трудно, если принять во внимание значительное семантическое соответствие. Тем более, что, анализируя подробнее славянский материал, можно привести еще больше примеров с такими же чередованиями гласных. Например: 1. польск. *tani*, диал. *tuni* 'дешево', в.-луж. *tuni* то же, русск. диал. *туне* 'попусту, напрасно', словен. *zastónj* 'напрасно', русск. *тонкий* < *тънтькъ 'тонкий, худой, слабый'³; 2. русск. *нырять*, укр. *нуряти* то же, польск. *nurkować*, в.-луж. *nuric so* 'нырять', русск. *нора* 'дыра', ст.-слав. *iznъrjo*, *iznrěti*. Неполнота фонетических законов ведет здесь к неправильным этимологическим выводам. Так, по нашему мнению, Фасмер в своем этимологическом словаре без всяких оснований отделяет русское слов *тонкий* от приведенного семейства слов (польск. *tani* || *tuni* 'дешево'). Относительно связи между *нырять* и *нора* он ограничивается лишь следующим указанием: «Формы с аблаутом *e/o* сосуществуют с формами *u*-ряда». Верхне-лужицкое название щиколотки *kulka* рассматривалось до сих пор народно-этимологически как деминутив к слову *kula* 'шар'. Как мне кажется, эти отклонения могут быть объяснены, если дополнить существующие законы фонетики и принять второстепенное дополнение чередования гласных по примеру обычного *u*-аблаута τ , $\bar{u}$, *ой*: сперва только τ : $\bar{d}$, а потом и τ :*u* (*ой*).

Можно сказать, что достоверность результатов этимологического исследования сегодня все еще отчасти зависит от ряда объективных факторов, обусловленных общим развитием языкознания. Именно эти факторы служат причиной того, что понятие вероятности в этимологии играет большую роль и по сегодняшний день. Поэтому неотложная задача этимологических исследова-

³ О существующих — но по-нашему мнению, ошибочных — толкованиях польск. слова *tani* см.: W. Boryś. Śląskie *tuni* i ogólnopolskie *tani*. — JP XLIII, 3, стр. 145—148.

ний — свести до минимума степень ненадежности, которую и в будущем, вероятно, невозможно будет исключить полностью, и разработать такие методы, которые позволяли бы более объективный контроль результатов исследований, носящих все еще в основном индивидуальный характер. Однако это будет возможно только в том случае, если и этимологическое исследование сильнее, чем до сих пор, будет обращаться к современным структуральным методам. И не в последнюю очередь будущее значение этой области науки будет зависеть от решения этой задачи, которая для этимологии из-за ее различных и крайне сложных связей с другими разделами лингвистики является особенно трудной. Сегодня этимология не может больше довольствоваться традиционным требованием выявления корня, она должна в большей мере, чем до сих пор, стать и историей, и географией, т. е. действительной биографией слов, должна стараться объяснить их образование из связей данных общих или частных лексических систем. Цель исследования современной этимологии — это уже не просто отдельный изолированный этимон (корень слова), а сложное определение координат, которые определяют, где слово, понимаемое как единство формы и значения, включается в соответствующие семантические и формальные системы или подсистемы.

В качестве важного приема, позволяющего проверить конструированные и частично гипотетические семантические деривационные модели и структуры, исследователи в последнее время указывают на типологическое сравнение⁴. При этом вопрос заключается в том, что в результате исследования нескольких не обязательно родственных языков или различных исторических стадий того же самого языка могут быть распознаны общие семасиологические закономерности и использованы для этимологического исследования. Ясные семантические связи между значениями А, В, С. . . в одном или нескольких языках могут служить методическим вспомогательным средством для точного отождествления значений А, В, С. . . в другом языке, в котором семантические связи затухали вследствие формального исторического развития. Соответствие основных признаков такой производной формулы исследователь уже может рассматривать как важное доказательство предпринятой этимологии.

В этой связи следует указать на уже отмеченное этимологическое объяснение славянского названия икры ноги типа польск. *łydka*. Объясняя его, можно опираться на известный во многих индоевропейских и неиндоевропейских языках факт, что название икры ноги часто стоит в полисемантической связи с названием для пред-

---

⁴ Š. Ondruš. Zur Theorie der Semasiologie und Etymologie. Publicationes instituti philologiae slavicae universitatis Debreceniensis. Debrecen, 1961, стр. 3—13; V. Kiparsky. Über etymologische Wörterbücher. Neuphilologische Mitteilungen, LX, 3. Helsinki, 1959.

метов круглой или выпуклой формы. На основании этого, но и, конечно, из-за существования диалектной формы с начальным *г*-в польском, можно восстановить потерянную в славянском связь с названиями типа русск. *глюда*, *глыба*, *глыза* и т. д. В качестве другого простого примера для производных назовем известную омонимию 'сосуд' и 'череп'. И здесь можно, зная эту семасиологическую аналогию, выяснить в этимологическом отношении до сих пор еще неясное славянское название чашки *лѣбъ, чеш., др.-польск. *teb* (в русском с переносным значением *лоб*). Исходя из нар.-лат. *testa* 1. 'череп', 2. 'сосуд', можно слав. *лѣбъ связывать со встречающимся сегодня в польских диалектах словом *tub*- 1. 'кора', 2. 'сосуд в виде глубокого моечного чана', 3. 'деревянный обруч сита, мельничного камня', ср. также полаб. *laib* 'род корзиночки' (апофония *ɔ||y||u* (*ой*)).

Раньше сосуды изготовлялись из коры дерева или луба (плетение). Ср. также лат. *testa*, сопоставляемое с лат. *texo* 'плести, ткать'.

Но семантические производные модели могут носить и более сложные формы. В качестве примера хочу обратить ваше внимание на разработанную мною в связи с этимологическим анализом славянского названия крестьянина *cholpъ, *къметъ семантическую производную модель⁵.

Эта модель является дополнением и специализацией восстановленных ранее моделей с производными 'кусок дерева—плуг—растение—человек' и т. д.⁶ Параллели к названной производной модели можно указать в финском, эстонском и литовском.

Недостаток в современном исследовании по семасеологическим моделям заключается еще в том, что до сих пор не проводилось значительных работ ни над частичными, ни над синтетическими сравнительными семасиологическими проблемами.

В приводимой модели проверка морфологических и фонологических закономерностей выполняет для нас роль контролера поставленных семантических правил. И только если семантика и формальная фонетическая сторона находятся в соответствии, этимология слова может считаться действительно выясненной.

Одна из наиболее сложных проблем формального анализа индоевропейского слова заключается в настоящее время, как уже было отмечено, в определении и моделировании корня индоевропейского слова. Это относится прежде всего к морфологически и семантически изолированным словам. Здесь перед этимолого-историческим исследованием языка стоит задача разработать методы, с помощью которых могут быть описаны морфологическая и фонологическая структура корня и форманта и их взаимное разграни-

⁵ Ср. мою работу «Zur Bezeichnung des Bauern im Slawischen: *cholpъ, *къметъ, *smfdъ». — ZfSl IX, 2, 1964, стр. 241—255.

⁶ Ср. мою работу «Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen». — ZfSl VIII, 6, 1963, стр. 860—874.

чение. Важной предпосылкой для такого анализа следует считать требование П. Персона⁷, по которому слово может разделяться на корень и формант лишь тогда, когда наличие соответствующего корня доказывается и в других лексемах, а формант встречается и в ряде других слов. Ценную информацию мы получаем уже сегодня благодаря работам над ларингальной теорией, над индоевропейской апофонией, а также благодаря исследованиям в области индоевропейской гетероклизы.

Что касается морфологии, то здесь исключительно большое значение имеет известная теория Э. Бенвениста о двух разновидностях индоевропейского корня. Бенвенист доказывает, что индоевропейский корень в зависимости от характера расширения корня может иметь различную ступень гласных (полную или нулевую). Полной ступени отвечает расширение корня без гласного элемента, нулевой ступени — расширение корня с гласным элементом. Применение этой теории позволяет нам воссоединить до сих пор часто еще произвольно разделявшиеся семейства слов и получить таким образом подтверждение родственным семантическим структурам. Если применить теорию корней Бенвениста к славянскому, то славянское название хлева (укр. диал. *холів*), которое считалось наукой до сих пор заимствованным из готского (*hlaiw* 'пещера, могила'), можно без больших затруднений объяснить как исконно славянское. Оно принадлежит к так называемому семейству славянских слов с корнем *хол-* || *кол-* 'колышек, кусочек дерева'. Да и вообще трудно понять, почему славяне, народ, занимающийся преимущественно земледелием, должны были заимствовать название для хлева у готов⁸.

Несомненно является правильным при допущении достаточных аналогичных деривационных моделей признание идентичности словоморфем доказанной и в том случае, если между звеньями А—В наряду с регулярными фонетическими переходами встречаются еще и нерегулярные спорадические фонетические явления, которые не отвечают фонетическим законам. Принятие такого особого развития разрешается главным образом в тех случаях, если сравниваемые звенья состояли друг с другом в полисемантических отношениях. И все же нам кажется необходимым, чтобы исследователь в каждом случае относился к этим так называемым «спорадическим» фонетическим переходам очень критически.

Если, например, В. Махек из-за отсутствия более достоверного этимологического объяснения чеш. *řar* 'черенок ложки', диал. также *řарка* 'кость хвоста' объясняет на основании семантического сходства как родственное с нем. *Rippe* 'ребра', а др.-слав. носовой гласный *ř — как результат якобы экспрессивного удвоения

⁷ P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala—Leipzig, 1912.

⁸ См. мою работу в ZfSl VIII, 6, стр. 869.

p с последующей диссимиляцией *pp* → *tp*, то это уже не имеет ничего общего с научной этимологией. Совсем ясно, что это слово родственно лит. *rėmbėti* 'покрыться рубцами'. То же относится и к многим этимологиям, которые Махек сводит к так называемой вертикальной субституции, например слав. *bolьtu* — лат. *dolēre*; слав. *grōdъ* 'грудь, возвышение в болоте' — лит. *krūtis* 'грудь'.

Экспрессивное фонетическое развитие можно принять только в том случае, если данное слово в рассматриваемую эпоху, или в одну из ранних эпох, действительно относилось к аффективной языковой сфере и может мотивироваться как таковое.

Необходимость равного учета как семантики, так и формы слова вытекает из типичного для языка единства формы и содержания. Однако человеческий язык отличается еще и другой характерной чертой. Он тесно связан с мышлением человека, которое отражает объективную действительность. Для применяемого в этимологии метода это значит, что этимология должна одновременно заниматься и вопросами, связанными с различными формами человеческого мышления и его развития, как и проблемами своего рода построения, структурирования самого объективного мира. Ведь значения слов, в сущности, являются не чем иным, как созданными человеческим умом отображениями объективной действительности. Таким образом, мы сталкиваемся с общей для всего развития науки проблемой, а именно с совершенно не решенным до сих пор вопросом моделирования и формирования самого процесса человеческого мышления и, в более широком смысле, конечно, с проблемой более точного описания рассматриваемого общественными науками предмета. Мы думаем, что здесь и перед этимологией открывается новое, широкое поле деятельности. Подобно тому, как этимология путем изучения первоначального значения слов вносит свой важный вклад в исторические и социологические науки, она может, восстанавливая семантические структуры, в известной мере содействовать описанию постоянно повторяющихся моделей мышления. Это, однако, не следует понимать так, как будто мы ставим знак равенства между языком и мышлением.

Конечно, этим вопросам уделялось внимание и раньше, что нашло свое отражение в основанном в начале этого столетия учеными Р. Мерингером и Х. Шухардтом научно-исследовательском направлении «Слова и вещи», которое сегодня находит свое продолжение и усовершенствование главным образом в ономаσιологически направленных работах. Но значительный недостаток многих таких работ заключается еще в том, что они обычно чрезмерно подчеркивают экстралингвистический аспект, т. е. исследование самого предмета, и слишком мало уделяют внимания самим языковым системным связям. В разработанной нами концептивной системе этимологического исследования включение так называемой науки о реалиях рядом с формальным и семантическим соответ-

ствием выполняет функцию второго «контролера». Выяснение истории значения требует одновременно и знаний истории предметов, знаний в области материальной культуры, обычаев, нравов, права, религии и т. д.

Если мы в заключение вернемся еще раз к поставленному в начале доклада вопросу о положении этимологии в общих рамках языкознания, то теперь мы можем сказать, что этимологическое исследование представляет собой метод, с помощью которого языкознание изучает возникновение и происхождение слов и их значение, причем внимание исследователя направлено меньше на выявление самого этимона, а больше на определение различных координат, в которых отдельное слово соприкасается с отдельными семантическими, морфологическими и фонологическими подсистемами. Кроме этого, этимологическое исследование применяет и экстралингвистические рабочие приемы, сравнивая восстановленные им семантические модели с общими закономерностями в развитии человеческого мышления и с явлениями конкретного материального мира.